

Т. В. Нужная, Ю. С. Авдонкина

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ
МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В РОМАНЕ П.-Э. ВИКТОРА
«ЗЕМЛИ ПОЛЯРНЫЕ – ЗЕМЛИ ТРАГИЧЕСКИЕ»¹

Российский государственный гидрометеорологический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию 16.05.2022 г.

Принята к публикации 06.07.2022 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2022-4-7

67

Для цитирования: *Нужная Т.В., Авдонкина Ю.С. Художественное воплощение метеорологических явлений в романе П.-Э. Виктора «Земли полярные – земли трагические» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2022. №4. С. 67–75. doi: 10.5922/pikbfu-2022-4-7.*

Рассматриваются художественное воплощение северного пейзажа и система образов природы полярного пространства в романе французского писателя-полярника П.-Э. Виктора. Актуальность темы исследования определяется малой известностью творчества П.-Э. Виктора в России и слабой изученностью ключевых аспектов его поэтики. Прослеживается логика формирования изобразительного комплекса, сочетающего в себе реалистичность подхода к метеоявлениям Заполярья и их литературную психологизацию. Выявляется тесная связь между образами снега, метели, инея, мороза, ветра и отражением картины мира изнуренных тяжелыми условиями жизни путешественников. Анализ текста романа дает основания предполагать, что художественное воплощение метеорологических явлений занимает в нем сильную текстовую позицию и отражает специфику повествовательного стиля жанра дневниковой прозы.

Ключевые слова: французская литература, П.-Э. Виктор, метеорологические явления, пейзажное пространство, снег, метель, мороз, ветер

Природно-погодные явления наиболее часто отображаются в художественном тексте в составе описания пейзажа. Пейзажные зарисовки, предстающие перед читателем в ходе знакомства с дневниковыми записями, романами и произведениями малых форм писателей-путешественников, пробуждают не только чисто эстетический, но и профессионально-исследовательский интерес. Ценность таких элементов

¹ Ранняя версия исследования была представлена в рамках доклада на региональной научно-практической конференции «Диалог поколений» (Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2022 г.). Публикация: *Nuzhnaia T. V., Avdonkina Ju. S. Artistic implementation of meteorological phenomena in P.-E. Victor's novel "Polar lands – tragic lands" // Диалог поколений : материалы III регион. науч.-практ. конф. СПб., 2022. С. 100–108.*

повествования заключается в точности и правдивости изображения, однако помимо этого важен аспект психологического влияния той или иной природной действительности на физическое и психологическое самочувствие человека.

В последние годы к изучению художественного воплощения метеорологических явлений в литературе обращались такие исследователи, как Е. Н. Прусова [12] и Лю Ху [6]. Осмысление природных явлений в изобразительном искусстве послужило темой работ А. А. Борзиловой и А. А. Минаковой [2], И. А. Ениной [3]. Лирическое переосмысление образа снега в произведениях русскоязычных авторов анализировали О. В. Блюмина [1], А. Р. Зимакова [4], А. И. Колесова [5], А. Е. Шестакова и Л. С. Заморщикова [15], Е. А. Порин и Н. Е. Быкова [17]. Воплощение полярного и заполярного пейзажа в прозаических произведениях изучали как отечественные исследователи [7], так и зарубежные [16]. В частности, особенностям изображения северного пейзажа в романе О. де Бальзака «Серафита» посвящена статья Т. В. Нужной [9], она же в соавторстве с Т. С. Кудрявцевой исследует специфику изображения антарктического пейзажа в романе Ж. Верна «Ледяной сфинкс» [10].

Е. Н. Прусова отмечает, что в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» образы метеорологических явлений, таких как вьюга, буря, метель, сливаются для создания мотива непогоды, столь важного для этого романа. В данном случае можно говорить о стилистической и сюжетной функциях, приобретаемых элементами погодной действительности. Помимо этого, явления непогоды выступают в качестве обрамления эмоционального фона романа [12].

Т. В. Нужная замечает, что изображаемый пейзаж выполняет в художественном произведении функцию хронотопа, четко устанавливая время и место действия [10]. Погодные явления, особенно имеющие тенденцию к сезонной регулярности, несомненно, способны выступать в качестве определенных временных маркеров. При обращении к произведениям «полярной» литературы мы нередко встречаем случаи, когда повествователи используют цикличность тех или иных метеорологических явлений для мерного счета времени. В подобных случаях можно говорить о глубокой психологической связи между образами природно-погодных элементов и мировоззрением персонажей.

Среди наиболее часто встречаемых стилистических приемов, используемых в описании северной природы, Т. В. Нужная называет прием олицетворения [9]. Образы погодных явлений в формате литературно-художественного авторского переосмысления подвержены «оживлению» ничуть не меньше, чем представители флоры.

Новизна нашего исследования заключается в обращении к роману П.-Э. Виктора «Земли полярные — земли трагические» (1971) [19], ранее не становившемуся объектом специального анализа, до сих пор неизвестному российским читателям и впервые переведенному на русский язык коллективом преподавателей и студентов кафедры французского языка и литературы Института «Полярная академия» Российского государственного гидрометеорологического университета. Цель нашей работы — выявить специфику художественного воплощения метеорологических явлений в романе П.-Э. Виктора «Земли полярные — земли трагические».

Поль-Эмиль Виктор — писатель и исследователь, оставивший уникальное для полярной литературы наследие, путешественник и разведчик, выживавший в, казалось бы, непригодных для того условиях, человек, которому удалось запечатлеть потрясающую красоту и холодящий ужас Арктики.

П.-Э. Виктор родился 28 июня 1907 г. в Женеве [11]. Отец его, Эрик Виктор, работал на заводе по производству труб. Будучи главой процветающей фабрики, Эрик Виктор становился жертвой зависти и нелестных подозрений и, кроме того, из-за австро-венгерского происхождения нередко попадал в тюрьму по лживым доносам. В результате, устав от трудностей, в 1916 г. семья Викторов покинула Женеву. Виктор-старший основал новую фабрику в Лон-ле-Сонье. В этом городке кантона Юра берет начало жизненный путь всемирно известного исследователя-полярника: укрываясь на чердаке, маленький Поль жадно читал рассказы о путешествиях, приключениях и истории народов, мечтая о Крайнем Севере и островах Полинезии.

В 17 лет, несмотря на очевидную склонность к литературе, Виктор, следуя совету отца, начал заниматься науками. Получив за 3 года инженерное образование, юноша сдал вступительные экзамены в Национальную школу морского судоходства в Марселе. Зов моря был настойчив, но для успешных экспедиций требовались обширные знания. Именно в эту пору Поль Виктор стал «Подем-Эмилем Виктором» из-за случайной неверной интерпретации имени его отца одним из товарищей. Рутинная и дисциплина не вязались с образом моряка, сформированным приключенческой литературой. За неимением реальных перспектив роста Виктор возвратился в Юра, где включился в отцовские дела и учился на фабрике бухгалтерскому учету и управлению персоналом.

Спустя годы Поль-Эмиль Виктор не раз оценил глубину и важность опыта, полученного в период работы у отца. Кроме того, у молодого человека оставалось время и для своих увлечений: скаутинга, катания на лыжах, жизни на природе. Именно в эти годы Поль получил права на управление самолетом и совершил многочисленные воздушные путешествия по Европе. Теперь он знал наверняка, что никогда не станет начальником фабрики: зов приключений и жажда открытий требовали от него покинуть отчий дом, и в 26 лет Поль-Эмиль Виктор вступил на новый этап своей жизни, отправившись в Париж. Там он, увлеченный исследованиями народов, начал учебу при Этнографическом музее Трокадеро, а кроме того, неустанно занимался самообразованием, помимо этнографического образования получив диплом филолога [14].

Мудрый совет отца, знакомого с Жаном-Батистом Шарко, изменил курс деятельности Виктора. Этот знаменитый французский мореплаватель, заслуживший небывалый авторитет как в кругу коллег, так и среди широкой публики, с 1903 г. проводил научно-исследовательские кампании в Арктике и Антарктиде [15]. Решительный и образованный, Виктор произвел положительное впечатление на Шарко с первой же их встречи в 1934 г. Его этнографический проект по изучению эскимосов Восточной Гренландии представился старшему коллеге убедительным, и Шарко взял на себя финансовое обеспечение экспедиции. Жан-Батист Шарко стал наставником и идейным товарищем Виктора. После успеха

проектов, инициированных молодым специалистом, началась череда исследовательских кампаний Поля-Эмиля Виктора, которая составляет ценность не только для географического и этнографического сообществ, но и для исследователей полярной литературы.

Свой опыт и впечатления от путешествий П.-Э. Виктор отразил во множестве книг. Вслед за своими знаменитыми предшественниками — романистами XIX в. он создает особый мифообраз полярного пространства, выявляя взаимосвязь природы и человека. Такое отношение к чувственному, идущему из глубины души характеру творчества в целом наиболее близко, как отмечалось, к психологии романтизма [8]. В романе «Земли полярные — земли трагические» можно выявить тесную связь между образами снега, метели, инея, мороза, ветра и отражением картины мира полярных исследователей-путешественников, изнуренных тяжелыми условиями экспедиции.

70

Образ снега в романе П.-Э. Виктора сопутствует многочисленным описаниям окружающего героев мира на протяжении всего произведения. Снег встречает читателя буквально с первых строк книги, являя собой элемент мистического портрета: «La neige incrustée dans les plis de sa capote lui donnait l'allure d'un fantôme avançant lentement dans l'immensité blanche» — «Снег, запорошивший складки его шинели, придавал ему вид призрака, медленно пробирающегося в белой необъятности» [19, р. 11]¹. Примечательно и иное, противоположное использование П.-Э. Виктором образа снега: «Il s'arrêtait de temps en temps, pour attendre ses compagnons: une à une, leurs cinq silhouettes alourdies de neige émergeaient alors de la tempête blanche» — «Время от времени он останавливался, чтобы дождаться своих спутников: один за другим пять силуэтов, отяжелевшие от снега, выныривали из белой бури» (11). Осадки приобретают черты «телесности», материальности: снег давит и «отяжеляет», а с точки зрения общего буйного пейзажа такое явление еще сильнее отягощает ношу путешественников. Стоит заметить, что лексические решения писателя играют важную стилистическую роль: слово *silhouettes* в сочетании с вышеупомянутыми осадками создает ясный образ уставших, словно обезличенных бесформенных фигур, заваленных тем самым «отяжеляющим» снегом.

В краю ледяных глыб и вечных морозов, к жизненным условиям которого не приспособлен человек, возникает концептуальное противопоставление «холодного, некомфортного» и «теплого, комфортного», оставшегося на родине путешественника. Эта антитеза раскрывается у П.-Э. Виктора: «A la place de la bouffée de chaleur qu'il espérait, une gifle de vent glacé lui jeta des cristaux de neige dans la figure...» — «Вместо дуновения тепла, на которое он надеялся, пощечина ледяного ветра бросила ему в лицо кристаллы снега...» (17). Автор использует метафорическое описание элемента природных реалий: «пощечина ледяного ветра» указывает на недружелюбность полярного климата, а «кристаллы снега» вызывают ощущение острого, «угловатого» касания.

¹ Здесь и далее текст романа «Земли полярные — земли трагические» дается в нашем переводе с указанием в круглых скобках номера страницы из источника [19]. — Т.Н., Ю.А.

Тихое и медленное падение снега создает эмоциональный фон в романе. Войдя в пустынные холодные комнаты форта «Энтерприз», герои обнаруживают безмолвный интерьер запустевшего, Богом забытого здания. Ощущение безвыходности и опустошения дополняется картиной снега, который «вихрями падал и добавлял свои густые хлопья к сугробам, покрывавшим землю» (17). Медленный снегопад на фоне заброшенных комнат формирует специфический хронотоп: время будто застыло, человек и его постройки покинуты, «побеждены» и лишь снег по-прежнему властвует в этом измерении, медленно прибирая своими мягкими лапами остатки следов человеческой деятельности.

Однако позже олицетворенный образ этого природного явления выступает и в более явной роли «злодея»: в снежный сугроб попадает канадец Перро, которого с трудом из него вывозят (20). В данном эпизоде природа предстает в роли властителя, обладающего губительной силой, способной нарушать планы человека и наносить ему вред. Снежные глыбы — торосы — также становятся предметом образно-художественного переосмысления: они представляются автору «снежными гребнями, острыми, как бритва» (11). Передвижение по такой поверхности, да еще и в условиях ужасного ветра, практически невозможно.

Следует также обратиться к образу мороза в данном романе. Морозы становятся неизбежным элементом не только местного пейзажа, но и менталитета: для путешественников условия вечных холодов начинают отождествляться с дискомфортом, физическим истощением и недостатком солнечного света, что отражается в мировоззрении героев. Для аргументации этого тезиса обратимся к тексту произведения: «Le froid, la faim, les ténèbres sont notre lot, chaque jour et de tous les jours» — «Холод, голод, мрак — это наш удел, каждый день и всегда» (101). Эпизод продолжается рассказом героя-повествователя о съеденных им с жадностью плесневелых крошках старого печенья. Такие подробности жизни на полярных землях, разумеется, нагнетают чувство тревоги.

Условия жизни в тех краях и правда тяжелейшие. Рассказчик констатирует: «La situation générale s'aggrave rapidement: les gelures, les accidents de toute sorte immobilisent chaque jour un plus grand nombre» — «Общая ситуация стремительно ухудшается: обморожения, несчастные случаи всех видов обездвиживают с каждым днём все большее количество людей» (104). Здесь же можно встретить описание хижины, в которой ночевали путешественники. Из-за ужасных морозов и повышенной влажности воздуха спальные мешки и матрасы буквально прилипают к «скалам из измороси» — в оригинале «les sacs de couchage et les tapis de sol sont collés au rocher par le gel» (69).

Еще одним важным метеоявлением в романе выступают иней и изморозь. Иней властвует не только над предметами быта — он обездвиживает и элементы «живой» природы. Рассказчик описывает, к примеру, «окоченевшие от мороза» деревья: «La vallée, plantée de saules nains figés par le gel, était abondamment pourvue de tripe de roche» — «Долина, засаженная окоченевшими от мороза карликовыми ивами, была вся наполнена каменными кусками скал» (20). Изморозь, как и снег, зачастую упоминается в сочетании с глаголами, олицетворяющими данный

природный элемент. В одном из эпизодов тяжелый иней буквально «вбивает» в землю колышки, что приносит немалые неудобства путешественникам (20).

Вечная мерзлота оставляет отпечаток в сознании людей, живущих в ее условиях. От героев книги мы несколько раз слышим одну и ту же фразу в незначительно различающихся интерпретациях: «Le froid nous rend tous cinglés, et il nous fait croire des choses qui n'existent pas» — «Холод сводит нас всех с ума и заставляет верить в несуществующие вещи» (71). Циклично и устойчивое использование слова *froid* (холод, мороз) в сочетании со словом *faim* (голод). Очевидно, эти два понятия в умах измученных героев сливаются в нечто единое.

72

Образ ветра на протяжении всего романа сопровождается устойчивым эпитетом «ледяной». Характерно описание передвижения изнуренного героя: перемененно он колеблется, шатается, а затем «прислоняется к ледяному ветру» и «остаётся неподвижным» (11). Выше повествователь указывает на истощение Франклина — состояние, объясняющее, почему, встав спиной к ветру, он мог устоять на ногах, не падая.

Примечательно, что с увеличением длительности пребывания путешественника в полярных землях наблюдается тенденция к упрощению языка: реже встречаются средства художественной выразительности, в то время как учащается использование простых назывных предложений типа «Ensoleillé, mais très froid» — «Солнечно, но очень холодно» (84). Очевидно, это является свидетельством прямого влияния тяжелых климатических жизненных (бытовых) условий, вынуждающих отказаться от языковой образности в сторону реалистичности и краткости изложения. В данном случае лексический выбор автора носит характер тайного психологизма, обнажая усталость, голод, дискомфорт, тоску по родине. Подобная глубокая связь между языком и внутренним миром — довольно нередкое явление для произведений жанра дневниковой прозы.

И все же герои остаются человечными и теплыми душой. Уместно обратиться к эпизоду, в котором трое мужчин были вынуждены ночевать, прижавшись друг к другу, «пытаясь дать друг другу хоть какое-то тепло, несмотря на холод и пронизывающий их рваную одежду ветер» (23). Это вынужденный ход в борьбе за выживание, однако на фоне «пронзительного ветра» тепло, создаваемое людьми автономно в этой ледяной части света, предстаёт как торжество человеческой природы. Если человек не один, то он способен одолеть даже смертоносный холод.

Жизнь полярника — это принципиальный выбор концепции существования, это обет служения науке и преклонения перед всемогущей природой. Часто именно метеорологические явления определяют важные планы путешественников. Так, во время экспедиции в Антарктиду 1912—1913 гг., описанной в романе, по причине сильного ветра было невозможно спустить лодку для того, чтобы добраться до корабля, отплывающего с северных земель. Вердикт природы строг: экспедиция вынуждена остаться на зимовку. Трогательна романтическая линия героя Моусона и его невесты. Обязанный остаться в Антарктиде еще на три года и осознавая, что тем самым лишает возлюбленную свободы, путешественник посылает девушке телеграмму, «освобождая ее от обязательств». Однако спустя какое-то время получает ответ: «Je vous

attendrai» — «Я буду Вас ждать» (256). Этот эпизод заставляет читателя задуматься об обратной стороне образа героя-первооткрывателя — ведь на родине такого героя ждут люди не менее стойкие характером и преданные сердцем.

Таким образом, в романе «Земли полярные — земли трагические» художественное воплощение метеорологических явлений занимает сильную текстовую позицию, выступая и как ключевой элемент северного пейзажа, и как проявление тонкого психологизма. В качестве элемента пейзажной зарисовки образы погодно-природных явлений способны не только выполнять эстетически-декоративную, «не прикладную» функцию, но и привносить в текстовую ткань новые смыслы, осуществляя стилистическую и композиционную функции.

В гармоничной совокупности с иными средствами выразительности образы снега, метели, инея, мороза и ледяного ветра создают уникальность такого реалистичного, но все же эстетически продуманного стиля дневникового повествования Поля-Эмиля Виктора.

Список литературы

1. Блюмина О. В. Образ снега в лирике Николая Тряпкина // Вестник Донецкого национального университета. Сер. Д: Филология и психология. 2021. №2. С. 18–26.
2. Борзилова А. А., Минакова А. А. Отражение стихийных бедствий метеорологического характера в изобразительном искусстве // Молодежный инновационный вестник. 2021. Т. 10, прил. 1. С. 43–46.
3. Енина И. А. Художественные особенности мотива северной «белой ночи» в пейзажах Александра Борисова и Луи Апола // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2021. №5. С. 77–87. doi: 10.36340/2071-6818-2021-17-5-77-87.
4. Зимакова А. Р. Образ снега в лирике тульского поэта Е. Картавцевой // I Милоновские краеведческие чтения : сб. науч. ст. Тула, 2019. С. 43–45.
5. Колесова А. И. Образ зимы в поэзии Н. А. Некрасова // Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития : сб. ст. по итогам междунар. науч.-практ. конф. Стерлитамак, 2018. С. 174–176.
6. Лю Х. Образы непогоды в народной мифологии Азии и Европы (на материале китайской и сербской традиций) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, №4. С. 52–62. doi: 10.17072/2073-6681-2021-4-52-62.
7. Мартыненко Л. Б., Авдеев С. С. Мифологизированный образ Мороза в русском фольклоре и литературе XIX – начала XX века // Наследие веков. 2015. №2 (2). С. 24–30.
8. Нужная Т. В. Природные образы в романе Ж. де Сталь «Коринна, или Италия» // Научный диалог. 2017. №2. С. 115–126.
9. Нужная Т. В. Специфика изображения северного пейзажа в романе О. де Бальзака «Серафита» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2021. №4. С. 52–58.
10. Нужная Т. В., Кудрявцева Т. С. Специфика изображения антарктического пейзажа в романе Ж. Верна «Ледяной сфинкс» // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков : сб. науч. ст. Вып. 20. СПб., 2021. С. 23–31.

11. *Paul-Émile Victor* : [официальный сайт]. URL: <https://paulemilevictor.fr> (дата обращения: 07.04.2022).
12. *Петров А. В.* Арктический пейзаж в прозе Ивана Меньшикова // *Русская речь*. 2017. №3. С. 26–32.
13. *Прусова Е. Н.* Образы метели и снега в составе метеорологических явлений в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // *Человек в информационном пространстве* : сб. науч. тр. Ярославль, 2016. С. 293–298.
14. *Семянников Б. Г.* Полярный исследователь и спасатель Поль-Эмиль Виктор // *Международный журнал теории и научной практики*. 2018. Т. 1, №1. С. 145–148.
15. *Шарко Ж.-Б.* Журнал антарктической экспедиции 1903–1905 гг. «Франсэ» на Южном полюсе / пер. с фр. СПб., 2021.
16. *Шестакова А. Е., Заморщикова Л. С.* Образ снега в поэзии Севера // *Казанская наука*. 2020. №12. С. 211–213.
17. *Tsuneta S., Ichimoto K., Katsukawa Y. et al.* The magnetic landscape of the sun's polar region // *The Astrophysical Journal*. 2008. Vol. 688, №2. P. 1374–1381. doi: 10.1086/592226.
18. *Порин Е. А., Быкова Н. Е.* La neige comme le symbole aux poèmes de Boris Pasternak et Paul Verlaine // *Юный ученый*. 2016. №5 (8). P. 30–32. URL: <https://moluch.ru/young/archive/8/526/> (дата обращения: 02.05.2022).
19. *Victor P.-E.* *Terres polaires terres tragiques*. P., 1971.

Об авторах

Татьяна Владимировна Нужная — канд. филол. наук, доц., Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: ta_nu@mail.ru

Юлия Сергеевна Авдонкина — студ., Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: ia.yutaaa@gmail.com

T. V. Nuzhnaia, Yu. S. Avdonkina

THE ARTISTIC EMBODIMENT OF METEOROLOGICAL PHENOMENA IN THE NOVEL “POLAR LANDS — TRAGIC LANDS” BY P.-E. VICTOR

Russian State Hydrometeorological University, Saint Petersburg, Russia

Received 16 May 2022 г.

Accepted 06 July 2022 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2022-4-7

To cite this article: Nuzhnaia T. V., Avdonkina Yu. S. 2022, The artistic embodiment of meteorological phenomena in the novel “Polar lands — tragic lands” by P.-E. Victor, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №4. P. 67–75. doi: 10.5922/pikbfu-2022-4-7.

The article examines the artistic realisation of the northern landscape and the system of images of the polar space' nature in the novel by the French polar writer P.-E. Victor. The relevance of the research is supported not only by the relatively little-studied heritage of P.-E. Victor in Russia but also by the poor knowledge of the key aspects of his poetics. The logic of the formation of the visual complex is traced, which combines the realistic approach to the weather phenomena of the Arctic and their literary psychologization. A close connection is revealed between the images of snow, blizzard, frost, wind and the reflection of the worldview of travelers exhausted by difficult living conditions. Analytical observations of the text of the novel also give grounds to assert that the artistic embodiment of meteorological phenomena occupies a strong textual position in it and reflects the specifics of the narrative style of the genre of diary entries.

Keywords: French literature, P.-E. Victor, meteorological phenomena, landscape space, snow, blizzard, frost, wind

The authors

Dr Tatiana V. Nuzhnaia, Russian State Hydrometeorological University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: ta_nu@mail.ru

Julia S. Avdonkina, Student, Russian State Hydrometeorological University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: ia.yutaaa@gmail.com